КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Олег Смолин

Продолжение. Начало в № 9/2015

В основу современной отечественной политики в области высшего образования положен ложный, на взгляд автора, тезис. Он состоит в том, что более крупные университеты гарантируют более высокое качество обучения, следовательно, вузы необходимо укрупнять, создавая большие учебные комплексы.

i из досье

Олег Николаевич Смолин, *депутат Госдумы, первый зампред Комитета по образованию, доктор философских наук, член-корреспондент РАО, вице-президент Паралимпийского комитета РФ, председатель Общероссийского общественного движения «Образование — для всех», президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник»*

Размер — гарантия качества?

25 июля 2012 г. эта тема стала предметом дискуссии между Председателем Правительства РФ Д.А. Медведевым и автором этих строк[1]. Тогда я пытался убедить руководителя федеральной исполнительной власти в том, что не существует прямой связи между величиной вуза и качеством даваемого им образования. В обоснование привёл зарубежный опыт, где ведущие места в рейтингах занимают обычно элитные вузы средних размеров (Массачусетский технологический институт, Гарвард, Оксфорд и т.п.), тогда как наиболее крупные вузы, как правило, ориентированы на массовое образование обычного качества. В ответ председатель правительства заметил, что это соображение справедливо для зарубежного образования, но не для российского. По той простой причине, что в России более крупные вузы — это, как правило, вузы государственные с давней академической традицией.

Как видим, и в данном случае происходит подмена тезиса: качество образования действительно связано с наличием у вуза академических традиций, но богатство этих традиций отнюдь не обязательно прямо пропорционально размерам университета. И тем более непонятно, зачем в России сплошь и рядом принудительно объединяют по несколько давно существующих вузов с богатыми академическими традициями.

Между тем отечественная политическая и управленческая элита настолько убедила себя в очевидности тезиса о связи размеров вуза с качеством образования, что этот вопрос публично практически не дискутируется. Так, выступая в дискуссии на Селигере в августе 2014 г., Н.И. Булаев, экс-глава Рособразования и один из лидеров думской «Единой России», утверждал, что хороший университет должен иметь не менее 10 тыс. студентов приведённого контингента. При этом, как и во всех подобных случаях, аргументов и расчётов приведено не было. Остаётся только гадать, почему именно 10, а не 5, не 15 или 20. Не потому ль, что цифра 10 самая круглая и удобная?

Более того, первая идея, которая возникает при мониторинге вузов в случае выявления так называемой неэффективности, — с кем бы «неэффективный» вуз соединить! Позитивные последствия считаются очевидными, тогда как на самом деле никто и никогда не привёл серьёз-

[1] http://open.gov.ru/events/2038/?sphrase_id=67715.

ных доказательств такого позитива с точки зрения повышения качества образования.

Реальный же смысл такой политики может заключаться лишь в так называемой оптимизации, включая:

— сокращение бюджетного набора по родственным специальностям;

— увольнение части преподавателей;

— «уплотнение» использования аудиторного фонда и других площадей с потенциальным высвобождением отдельных зданий. При этом различные целевые показатели реформы столь плохо скоординированы между собой, что последняя задача (рациональная, с точки зрения управления имуществом, но не образованием) противоречит установкам авторов мониторинга на увеличение количества квадратных метров в расчёте на одного студента.

Напротив, опыт показывает, что именно с позиций качества образования принудительное объединение вузов способно вызвать очевидные отрицательные последствия. В их числе:

— ликвидация различных (в том числе соперничающих) научных школ и направлений при объединении нескольких кафедр в одну;

— обострение внутривузовской борьбы за административный ресурс (должности проректоров, деканов, заведующих кафедрами и т.п.). В первые годы после объединения эта борьба постоянно отвлекает коллективы от научной и преподавательской работы;

— снижение управляемости вновь созданными гигантами и усиление действия законов Паркинсона. Их суть, напомню, состоит в том, что чем крупнее социальная система, тем менее она работает на общественные цели и тем более — на самоё себя.

Когда в своё время мы спрашивали наших коллег — управленцев из США, почему в Америке довольно много крупных университетов, как правило, получали следующие ответы:

— таким университетом труднее управлять;

— он не обеспечивает сокращения управленческих расходов по сравнению с вузом средних размеров;

— не обеспечивает и более высокого качества преподавания.

Однако в США нет общенациональных образовательных стандартов, и потому нескольким крупным университетам легче о них договориться, чем большому количеству университетов малых и средних.

Как видим, при наличии единых образовательных стандартов в России ситуация прямо противоположная, да и в США, как мы скоро убедимся, за последние полтора десятилетия количество университетов значительно выросло.

— КГМУ — это бренд, известный в Европе и на Ближнем Востоке. Потеря бренда понизит статус университета и уменьшит его финансирование из внешних источников;

— в частности, значительная часть иностранных студентов, которые уже поступили или намеревались поступить в КГМУ, отказались учиться в Крымском федеральном университете, что угрожает потерей до четверти бюджета вуза.

Напротив, аргументы сторонников принудительного объединения имели по преимуществу политико-правовой характер, что и понятно. Как видит читатель, серьёзных профессиональных аргументов в пользу гигантомании просто не существует, если, разумеется, не считать аргументов так называемой оптимизации и удобства управления меньшим количеством юридических лиц для соответствующих министерств.

...качество образования действительно связано с наличием у вуза академических традиций, но богатство этих традиций отнюдь не обязательно прямо пропорционально размерам университета...

На рубеже 2014–2015 гг. наиболее важными, а вместе с тем наиболее сомнительными с точки зрения эффективности управления представляются два решения.

Первое: включение в состав Крымского федерального университета Крымского государственного медицинского университета (КГМУ) против воли его коллектива. В результате в письме на имя Президента России было собрано более 10 тыс. подписей протеста, а студенты, преподаватели и выпускники пошли на митинги. В современной политической ситуации для «полного счастья» России не хватало только митингов в Крыму.

Известные автору аргументы сторонников самостоятельности КГМУ имеют по преимуществу образовательный и экономический характер:

— в рамках объединённого университета медицинское направление окажется на втором плане, а это потенциально понизит качество подготовки врачей;

Собственно говоря, это были не аргументы в пользу объединения, а аргументы, направленные на дискредитацию его противников:

— инициатива объединения принадлежит руководству Крыма *(однако автор располагает материалами, которые доказывают, что позиция крымского руководства колебалась в зависимости от акций протеста, с одной стороны, и воздействия федерального правительства — с другой);*

— выступая против объединения, руководство КГМУ стремилось скрыть собственные экономические злоупотребления *(однако, чтобы эти злоупотребления выявить, университеты вовсе не обязательно соединять — достаточно поменять руководство вуза либо просто направить в него прокуроров и следователей);*

— протесты организовывались на украинские деньги *(достоверной*

информацией по этому поводу не располагаю, однако гораздо важнее другое: в период воссоединения Крыма с Россией университет выступил за такое воссоединение. Надо было очень постараться, чтобы спровоцировать в нём акции протеста).

Второе решение: объединить все московские экономические вузы в один под эгидой Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

В дополнение к приведённой выше аргументации насчёт сомнительности объединения ради объединения следует иметь в виду, что:

1. К Плехановскому университету сравнительно недавно был присоединён другой крупный вуз, а именно — Российский государственный торгово-экономический университет, и связанные с объединением организационно-технические и содержательные проблемы далеко не преодолены.

2. Речь в данном случае идёт об объединении не небольших или средних, но крупных вузов с хорошими брендами и богатой академической традицией, включая Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ), Государственный университет управления (ГУУ)…

3. В итоге новый объединённый университет либо станет практически неуправляемым, либо вынужден будет поступать так, как действует МГУ им. М.В. Ломоносова, — делегировать большую часть полномочий структурным подразделениям. Но тогда, естественно, возникает вопрос: зачем было объединять?

...опыт показывает, что именно с позиций качества образования принудительное объединение вузов способно вызвать очевидные отрицательные последствия...

«Национальная идея»: лучше меньше, да хуже?

Наряду с представлениями о бесчисленной армии студентов, роняющей качество и престиж отечественного образования, одна из главных идеологем официальной образовательной политики заключается в том, что падение этого качества — результат прежде всего роста числа вузов. При этом парадокс состоит в том, что фактические противники советской системы образования ищут аргументацию своей позиции именно в советском опыте!

Как известно, одним из первых идею резкого сокращения числа отечественных высших учебных заведений летом 2008 г. высказал министр образования и науки А.А. Фурсенко. Тогда он заявил, что в современной России насчитывается более тысячи вузов, а должно остаться 150–200, включая около 50 университетов[2].

Автор ответил депутатским запросом, исполненным по всем правилам для документов данного типа, однако позволил себе озаглавить его перефразированной цитатой из Д.А. Медведева: «Не надо кошмарить образование!» Вот лишь несколько вопросов, заданных мною тогда министру и, увы, не утративших актуальности:

1. Кому принадлежит эта радикальнейшая идея, многократно превосходящая аналогичные предложения Е. Гайдара в начале 1990-х гг.? Назовите авторов поимённо, ибо народ должен знать своих «героев».

2. С каких пор оценка работы вузов производится по их «конкурентоспособности» (теперь это называется эффективностью. — *Прим. авт.*), если Законом РФ «Об образовании» установлено, что главная цель образования — удовлетворение потребностей личности, общества и государства?

3. Кем и на основании каких критериев была измерена так называемая конкурентоспособность?

10. Где будет реализовывать своё конституционное право на высшее образование большая часть молодёжи, в особенности из регионов России?

13. Приведите примеры государств, в которых реализованы аналогичные «реформы», и анализ их результатов.

На официальный депутатский запрос из Минобрнауки был получен ответ в духе известной песни «Хорошо, всё будет хорошо!»[3].

В содержательном плане наиболее интересной частью ответа было заявление о том, что идея многократного сокращения числа российских вузов опирается на опыт таких стран, как Бразилия или Китай.

В Бразилии не был, но, насколько могу судить, уровень квалификации её рабочей силы и индекс развития человеческого потенциала пока существенно уступают российским. Не очень понимаю, почему избран именно этот пример.

Что же касается Китая, то университеты в этой стране действительно крупные, однако в отличие от искусственно созданных российских ФУ (федеральных университетов), как правило, однопрофильные. Например, в год Олимпиады (2008 г.) в Пекинском лингвистическом университете насчитывалось около 25 тыс. студентов, однако все они учились на лингвистов. Другими словами, российское Минобрнауки либо избрало странные примеры для подражания, либо базировалось на ложной информации.

Небезынтересная заочная дискуссия по поводу количества вузов в России прошла в Думе в сентябре

[2] Согласно информации с официального сайта Министерства образования и науки РФ, на совещании по созданию научно-образовательных центров в Российской Федерации, которое провёл 24 июля 2008 г. президент Д.А. Медведев.

[3] См. об этом в кн.: *Смолин О.Н.* Образование — для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИКЦ «Академкнига», 2014. 1120 с., 16 с.: цв. ил.

2014 г. Явно отвечая на критику автором этих строк Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», депутат Н.И. Булаев говорил следующее:

«Что касается критики Закона "Об образовании", которая звучала здесь в среду, я хочу сказать, что да, закон несовершенный. Закон достаточно сложный и объёмный, и есть проблемы. Наверное, старый закон 90-х лет, авторами которого являются некоторые наши коллеги, был хорошим законом. Но в рамках этого закона в России появилось 2,5 тыс. "свечных заводиков", которые коптят, разрушают российское образование, но около которых греются, и мы ничего пока не можем сделать с этими "заводиками", авторы которых выступают вот здесь, на этой трибуне.

Я думаю, что сегодняшний Закон "Об образовании" надо критиковать, но всё-таки в рамках депутатской этики»[4].

При этом в пылу полемики мой оппонент забыл как минимум о следующих обстоятельствах.

Во-первых, «свечные заводики» в образовании, включая филиалы государственных вузов, возникли в 1990-х гг. именно потому, что финансирование отрасли в этот период упало в 8 раз, да и во времена руководства Рособразованием Н.И. Булаева составляло не более 1/3 от необходимого.

Во-вторых, некоторые из «свечных заводиков» выросли в целые образовательные империи, занимающие в международных рейтингах места выше иных федеральных университетов.

Наконец, в-третьих, Закон РФ «Об образовании» в редакции 1992 г. содержал гораздо более жёсткую норму в отношении лицензирования «заводиков», чем современное законодательство: он позволял изымать лицензию при нарушении предусмотренных ею условий без решения суда![5]

Поэтому проблема вовсе не в законе, а в многолетней неспособности государства его исполнять.

Между тем опыт наиболее «продвинутых» в образовательном отношении стран демонстрирует тенденцию, противоположную российской. Так, Норвегия недавно объявила, что нашла наконец свою национальную идею: «Норвегия открывает университеты!» Аналогичная ситуация в США: по данным национального центра образовательной статистики, в стране на конец 2010 г. существовало 4495 университетов, институтов и колледжей, не считая филиалов. Как видим, количество университетов в пересчёте на количество населения США примерно вдвое выше российского.

...серьёзных профессиональных аргументов в пользу гигантомании просто не существует, если, разумеется, не считать аргументов так называемой оптимизации и удобства управления меньшим количеством юридических лиц для соответствующих министерств...

Что же касается статистики советского периода, то стоит напомнить: с тех пор как был разрушен СССР, прошло около 25 лет, и постиндустриальные тенденции в мире проявились гораздо ярче. Ссылаться же на опыт советской эгалитарной (построенной по принципу «образование — для всех») системы в обоснование необходимости построения системы элитарной (основанной на принципе «качественное образование — для избранных») оригинально и изобретательно, но противоестественно.

Несмотря на отсутствие рациональных аргументов в пользу укрупнения и закрытия нормально работающих вузов, несмотря на обилие аргументов против, такая политика не только не меняется, но, напротив, становится более жёсткой. Доказательства тому — Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг., утверждённая распоряжением Правительства Рос-

[4] Стенограмма пленарного заседания Государственной думы. 2014. 19 сентября.

[5] Цитирую текст п. 14 ст. 33 Закона РФ «Об образовании» в редакции 1996 г.: «Контроль за соблюдением образовательным учреждением независимо от его организационно-правовой формы предусмотренных лицензией условий обеспечивает государственный орган управления образованием или орган местного самоуправления, выдавший лицензию. В случае нарушения этих условий лицензия подлежит изъятию».

сийской Федерации от 29.12.2014 № 2765-р. Цитирую документ: «Предполагается скорректировать типологию и структуру вузовской сети в целом с оптимизацией количества филиалов вузов в сторону их сокращения (сокращение филиалов до 80 процентов). Будет сокращено общее число вузов (до 40 процентов) при условии увеличения численности студентов, получающих качественное высшее образование с использованием современного лабораторного оборудования в федеральных и национальных исследовательских университетах».

Другими словами, если в апреле 2014 г. на правлении Российского Союза ректоров министр Д.В. Ливанов говорил о том, что мониторинг призван отделить 30% слабых вузов (предназначенных к закрытию), то к концу года «приговорили» ещё 10%!

Исследования и расчёты, на основе которых вынесены оба «приговора», автору не известны и публично никогда не обсуждались. Вполне вероятно, что в данном случае была применена известная формула «пол — потолок — палец»!

Что же касается 80% филиалов, то в дополнение к прежней аргументации хочу заметить: в своё время Минобрнауки проводило курс на создание так называемых вузовских комплексов и призывало региональные власти отдавать небольшие вузы и колледжи под эгиду крупных университетов, как правило, московских или петербургских. Это касалось и учебных заведений с серьёзной историей и хорошей академической традицией. Теперь же они приговорены к ликвидации.

Образовательная пирамида: соревнование конных с пешими?

В соответствии с ложными посылками о путях повышения качества подготовки специалистов в России выстроена так называемая пирамидальная система высшего образования. Напомню её основные элементы.

В отличие от обычной у российской образовательной пирамиды вершин две: ***МГУ и СПбГУ.***

Их деятельность регулируется специальным Федеральным законом от 10.11.2009 № 259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете». Этот закон не был отменён даже при принятии Федерального закона от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации», хотя одной из целей нового закона объявлялось как раз намерение включить в него все вопросы законодательного регулирования образования на федеральном уровне.

В своё время образовательно-политическая оппозиция в парламенте активно поддержала принятие федерального закона о Московском и Санкт-Петербургском университетах по известному принципу: если не дают всем, то хоть кому-нибудь! И действительно, закон предоставляет двум университетам целый ряд преференций, в том числе:

— реализацию образовательных программ высшего профессионального и послевузовского профессионального образования на основе самостоятельно устанавливаемых образовательных стандартов и требований;

— право проводить дополнительные вступительные испытания профильной направленности при приёме для обучения по программам бакалавриата и программам подготовки специалиста и др.

Правда, в соответствии с общей логикой современной образовательной политики расширение свободы в одних вопросах привело к её урезанию в других. В данном случае в обоих университетах отменены выборы ректоров, которые назначаются президентом — тем самым ректоры встраиваются в политическую «вертикаль».

Нельзя не отметить и другое: большинство дополнительных прав и свобод, полученных ведущими университетами в 2009 г., Законом РФ «Об образовании» в редакции 1992 г. предусматривалось… для всех высших учебных заведений!

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Десять таких университетов стали вторым уровнем образовательной пирамиды и в подавляющем большинстве создавались по инициативе сверху. В 2006 г. в Красноярске первая попытка создания Сибирского федерального университета вызвала даже шеститысячную студенческую демонстрацию при непротивлении ректоров. Спу-

стя несколько лет, в 2012 г., приказ о присоединении Российского государственного торгово-экономического университета к Российскому экономическому университету им. Г.В. Плеханова спровоцировал даже студенческую забастовку.

Один из немногих примеров добровольности — создание на базе Уральского государственного университета и Уральского государственного технического университета Уральского федерального университета (УрФУ) им. Б.Н. Ельцина. Но и в данном случае добровольность была связана с надеждой получить под поддерживаемый правительством проект значительные дополнительные ресурсы.

В своё время на законопроект о создании федеральных университетов автор откликнулся статьёй[6], которую не удалось придать широкой гласности. Однако основные положения статьи до настоящего времени не устарели, а прогнозы, увы, в основном подтвердились. Вот некоторые её фрагменты.

«О том, что наши слоны лучшие в мире, известно давно. Однако до сих пор не было полной ясности насчёт того, где их взять. Теперь, похоже, ясность наступила: создавать слонов мы будем путём… сложения кроликов. Так решило дорогое (судя по бюджету, даже очень дорогое) российское правительство. А решив, внесло в Госдуму проект закона о Федеральных университетах (сокращённо — ФУ, или "ФУнтах"). <…>

Кстати, тем, кому не нравятся ассоциации с фауной, могу предложить военно-морскую. Представьте себе, что мы связали одним мощным канатом 10 торпедных катеров и назвали это авианосцем. А теперь попробуйте посадить на него самолёт… <…>

Хотел бы задать авторам идеи и разработчикам концепции законопроекта множество вопросов. Вот лишь некоторые из них.

1. Какое новое качество приобретают несколько разнопрофильных вузов, слившись вместе в результате административного экстаза? Что нового, в частности, обретут педагоги от объединения со строителями, пищевики — от интеграции с философами, а дизайнеры — с автодорожниками?

2. Где доказательства того, что мегавузы будут более эффективно управляться, чем прежние учебные заведения, из которых их намереваются создавать? Ведь в соответствии с законами Паркинсона чем крупнее административная система, тем она неповоротливее, тем больше в ней бюрократии, а её деятельность больше соответствует принципу "паровоз — для машиниста".

3. Почему кампания по созданию федеральных университетов ведётся методами не столько убеждения, сколько административного насилия? Не потому ли, что у правительства нет аргументов, которые можно предъявить обществу, не вызвав возмущения?

...Несмотря на отсутствие рациональных аргументов в пользу укрупнения и закрытия нормально работающих вузов, несмотря на обилие аргументов против, такая политика не только не меняется, но, напротив, становится более жёсткой...

4. Например, не является ли новая кампания частью хорошо известных с 1990-х гг. процессов "реструктуризации" и "оптимизации", то есть фактического сокращения высшего образования? Ведь именно в процессе такой реорганизации очень удобно ликвидировать часть бюджетных мест для студентов и преподавательских ставок под предлогом устранения дублирования близких специальностей и родственных кафедр.

5. Не преследует ли новая система, предполагающая формирование "ФУнтов" в форме автономных учреждений (сокращённо АУ. — Прим. ред.), сразу две необъявленные цели:

• окончательное встраивание высшего образования в административную "вертикаль" — путём перехода к назначению ректоров;

• сокращение доли бюджетного образования — поскольку АУ в отличие от бюджетных учреждений наделены широкой экономической самостоятельностью, однако лишены гарантий бюджетного финансирования?».

Косвенным подтверждением этой гипотезы может служить проект федерального бюджета на 2015–2017 гг., где доля расходов на образование в 2017 г. по сравнению с 2014 г. сокращается от расходной части бюджета с 4,6 до 4,1%, а от валового внутреннего продукта — с 0,9 до 0,7%.

Надо признаться: смысл создания федеральных университетов автор прогнозировал далеко не в полном объёме. Трудно было, в частности, представить себе, что для профильного министерства они станут своеобразными «козлами отпущения». Воспроизвожу смысл диалогов, которые мне неоднократно приходилось вести с высокопоставленными коллегами из Минобрнауки.

Автор: почему вы предлагаете поручить дело федеральным университетам, ведь у них по этому направлению нет никакого опыта? Не лучше ли довериться реальным лидерам, которые знают, что и как делать?

Ответ: федеральным университетам мы дали деньги и поэтому имеем право с них спросить за результат. А что мы можем спросить с остальных вузов?

Как всегда бывает в теории и в жизни, первая системная ошибка неизбежно порождает следующие.

Серьёзные исследования эффективности (или неэффективности)

[6] *Смолин О.Н.* «ФУнты» и комбинаторы // Администратор образования. 2008. № 24. С. 4–7.

создания федеральных университетов автору не известны. Однако:

во-первых, перечисленные выше минусы принудительного объединения относятся и к большинству из них;

во-вторых, не существует статистически значимых доказательств повышения рейтингов федеральных университетов в международных исследованиях;

в-третьих, похоже, сомнения насчёт эффективности дальнейшего формирования «ФУнтов» появились и у руководителей Минобрнауки. Во всяком случае, с 2015 г. программа поддержки федеральных университетов (в том числе через федеральный бюджет) заменяется программой поддержки ведущих вузов, что расширяет для министерства возможности манёвра;

в-четвёртых, на уровне личного общения многократно слышал от преподавателей федеральных университетов формулу: несколько старых вузов разрушили, а нового не создали!

Во избежание неверного толкования повторю ещё раз: принципиальным противником объединения вузов не являюсь. Однако с различных «трибун» неоднократно заявлял: в образовании — как в жизни: то, что по любви и согласию, — хорошо, а то, что через насилие, — скверно. Если вузовские руководители и коллективы всё тщательно просчитали, результат будет скорее положительным; в противном же случае вреда оказывается больше, чем пользы.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Следующую ступень пирамиды высшего образования в России образуют 29 национальных исследовательских университетов (далее — НИУ).

На взгляд автора, концепция создания и государственной поддержки национальных исследовательских университетов отличается от аналогичной концепции университетов федеральных целым рядом преимуществ.

Во-первых, она не обязательно предполагает объединение в один университет целого ряда разнородных высших учебных заведений. Разумеется, как правило, статус НИУ присваивается университетам крупным, так сказать, «линкорам», но не обязательно сложенным из «торпедных катеров». Это избавляет НИУ как систему от чужеродных, мешающих её развитию элементов.

Во-вторых, по этой причине НИУ отличаются большей профильностью и концентрацией усилий на образовании в области одной или нескольких укрупнённых групп специальностей (инженерно-технических, экономических, медицинских и т.п.).

В-третьих, согласно п. 5 и 6 ст. 24 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» категория «национальный исследовательский университет» присваивается организациям высшего образования не навечно, но на определённый срок (как правило, 10 лет). Более того, по результатам оценки эффективности реализации программы развития организация может быть лишена статуса НИУ. Всё это заставляет данную категорию университетов не «почивать на лаврах» за счёт раз и навсегда полученных преференций, но по крайней мере бороться за их получение и сохранение.

Однако и концепция НИУ, пусть в меньшей степени, страдает тем же недостатком, что и концепция федеральных университетов. Этот недостаток — значительная роль субъективного фактора в виде решений государственных чиновников. Дело в том, что и статус НИУ присваивается университету не по конкурсу реальных достижений, но на основании «конкурсного отбора программ развития», порядок которого устанавливается Правительством РФ. Соответственно, «перечень показателей, критерии и периодичность оценки эффективности реализации программ развития национальных исследовательских университетов» устанавливаются Минобрнауки[7].

Иными словами, речь идёт о конкурсе намерений, об умении изложить их на бумаге определённым образом, причём по правилам, установленным теми же государственными чиновниками, которые будут оценивать качество заявленных программ и результативность их исполнения. Естественная конкуренция достижений и в данном случае отчасти подменяется конкуренцией бюрократически установленных показателей. Неудивительно, что, как только меняются показатели, меняются и оцениваемые результаты, включая места НИУ в официальных рейтингах.

...в образовании — как в жизни: то, что по любви и согласию, — хорошо, а то, что через насилие, — скверно...

Забегая вперёд, отметим, например, что осенью 2013 г. под эгидой Минобрнауки был проведён рейтинг готовности вузов к реализации образовательных программ посредством электронного обучения. В этом рейтинге среди 131 исследованного вуза федеральные университеты заняли в среднем 76-е место, а национальные исследовательские университеты — 42-е место.

На заседании созданной по поручению заместителя председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец межведомственной рабочей группы по развитию электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ в образовательных учреждениях низкие рейтинги федеральных университетов в этом исследовании объяснялись большим количеством и

[7] См. п. 5 ст. 24 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

разнонаправленностью групп специальностей, по которым они обучают студентов. Однако, на взгляд автора, это лишь подтверждает сказанное выше о разнородности объединяемых ими элементов и отсутствии целостной структуры, что, в свою очередь, как правило, не позволяет создать систему в классическом смысле этого слова и достичь системного эффекта.

ИНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВУЗЫ

Принятая пирамидальная система построения высшего образования де-факто ставит их в положение не вполне полноценных, причём независимо от реальных достижений:

• само деление вузов на ведущие и «остальные», по сути, делает их второсортными;

• поскольку темпы роста расходов на высшее образование в самые последние годы ниже официальной инфляции, финансовая поддержка вузов в значительной мере осуществляется за счёт вузов «неведущих»;

• сами «неведущие» вузы имеют несравненно меньше шансов получить государственную поддержку по различным программам (в том числе грантам) по сравнению с вузами, поставленными в привилегированное положение;

• не вошедшие в привилегированные группы вузы находятся под постоянной угрозой принудительной реорганизации, в том числе в результате ежегодных мониторингов так называемой эффективности.

...продвинутые вузы негосударственного сектора представляют собой важное достижение и самостоятельную ценность для российской образовательной системы...

Более того, на внеочередном съезде ректоров 10 июля 2014 г. министром образования и науки Д.В. Ливановым фактически заявлена программа дальнейшего понижения статуса таких вузов. Министр предложил, в частности, лишить значительную их часть возможности иметь магистратуру, аспирантуру и докторантуру. Цитирую: «У нас будет много вузов, где не будет аспирантуры и магистратуры. В этом нет ничего плохого. Работа на уровне бакалавриата ничуть не менее значима. Не нужно бороться за одно-два места, это бессмысленно. Тем более писать какие-то безумные письма, которые вы часто подговариваете написать глав регионов или депутатов. Это бессмысленно»[8].

Это предложение Д.В. Ливанова базируется на нескольких сложных посылках и, безусловно, приведёт к понижению качества отечественного высшего образования.

Во-первых, оно исходит из предположения, будто хорошие преподаватели и учёные работают исключительно в привилегированных вузах. Между тем любому здравомыслящему очевидно, что это не так. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть состав действительных членов и членов-корреспондентов российских государственных академий наук. Как известно, аспирантура открывается не под вуз, но под конкретного профессора. Ограничения же открывать её в обычных вузах приведут к тому, что либо страна потеряет и без того дефицитных высококвалифицированных руководителей для аспирантов, либо эти руководители будут пытаться искать места исключительно или главным образом в так называемых ведущих вузах России, что далеко не всегда возможно.

Во-вторых, совершенно очевидно: ещё бóльшие преимущества при такой системе получат столичные вузы по сравнению с провинциальными. Поскольку жизнь в современных столицах не по карману значительной части (а быть может, и большинству) аспирантов, в итоге страна получит не только понижение интеллектуального потенциала, но ещё бóльшие диспропорции в его распределении по территории.

В-третьих, ещё более усиливается несправедливость оценки по одинаковым критериям мониторинга вузов, поставленных в заведомо неравное положение, что ускорит попытки «удаления» заведомо «здоровых зубов».

В очередной раз предлагаемое лечение окажется хуже самой болезни.

[8] Вузовский вестник. 2014. № 15. Август.

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВУЗЫ

Очевидно: среднестатистически некачественного образования в них значительно больше, чем в государственных. Иначе и быть не может в ситуации, когда те и другие поставлены в абсолютно неравные условия (см. раздел о мониторинге). Здесь стремление власти отделить, по выражению Президента России, мух от котлет, выглядит более обоснованным. Однако лишь при условии, если для этого отделения будут выработаны рациональные критерии, причём не чиновниками, но самим образовательным сообществом, включая объединения негосударственных вузов.

И тем не менее, рискуя вызвать недовольство читателя, берусь утверждать: продвинутые вузы негосударственного сектора представляют собой важное достижение и самостоятельную ценность для российской образовательной системы. Вот аргументы:

• сумев выжить в условиях неравенства экономических возможностей, многие из них выработали механизмы управления более эффективные, чем в государственном секторе;

• их деятельность заметно уменьшила безработицу в среде молодёжи и тем самым способствовала большей социальной и политической стабильности;

• при недостающих лицензионных мощностях государственных вузов, в том числе в условиях небывалого экономического кризиса 1990-х гг., они помогли реализовать право на образование значительной части молодёжи;

• по самой природе собственности во многих негосударственных вузах больше свободы и меньше бюрократизации по сравнению с государственными.

Кстати, едва ли не самый известный футуролог современности Э. Тоффлер при встрече с автором этих строк высказал убеждение, что подлинные инновации в образовании придут именно из негосударственного сектора, поскольку не только в России, но и в большинстве стран мира он меньше подвержен бюрократизации, чем государственный. Установка же на ликвидацию едва ли не большей части негосударственных вузов, которая фактически проявляется в образовательной политике самых последних лет, по убеждению автора, принесёт больше вреда, чем пользы.

В заключение процитирую ещё два вопроса из собственной статьи «“ФУнты” и комбинаторы» 2008 г.

«6. Почему… в России избрана “пирамидальная” система построения высшего образования, где на вершине — два университета (МГУ и СПбГУ), затем следует группа “ФУнтов”, а в самом низу — оставшиеся “бедные родственники”? Никаких аргументов в пользу такой модели образовательному сообществу, да и гражданскому обществу в целом никто не привёл. Между тем многие эксперты убедительно доказывают, что для перехода к “обществу знаний” модель образования должна быть абсолютно другой — эгалитарной, то есть обеспечивающей равные возможности качественного “образования для всех”.

7. Наконец, опирается ли новая “реформа” на международный опыт или представляет собой доморощенный “велосипед”? Насколько известно автору, мировая тенденция развития образовательных систем абсолютно иная: вместо того чтобы формировать “слонов” посредством сложения “кроликов”, наиболее передовые в образовательном отношении страны развивают систему электронных университетов, не механически, но осмысленно объединяя информационные и технологические ресурсы. И это действительно даёт новое качество.

Убеждён: возвращение отечественной системы образования в число мировых лидеров предполагает синтез, с одной стороны, лучших отечественных традиций (фундаментальность образования, его доступность каждому, личностные отношения педагогов и воспитанников) с новейшими образовательными технологиями. Современная же российская образовательная политика идёт противоположным путём: с одной стороны, заимствует на Западе худшее (ЕГЭ, принудительная бакалавризация и т.п.), а с другой — как будто не замечает технологических прорывов. С такой политикой мы пойдём не вперёд, но в лучшем случае — вбок от дороги передовых в образовательном отношении стран. Что ж, каждый выбирает для себя… Вот только созданные путём сложения “кроликов” ”слоны” вряд ли смогут стать передовым транспортным средством на пути в информационную цивилизацию».

Продолжение следует